

2). Эти мелочи легко могут быть устранены при следующем переиздании избранных статей Б. А. Ларина, которое безусловно необходимо. Ведь книга была из-

дана недостаточным тиражом (10 000 экз.) и разошлась буквально в два дня.

Н. А. Мещерский

A. Lombard. La langue roumaine. Une présentation.—Paris, Editions Klincksieck, 1974. 396 стр.

Книга известного шведского лингвиста-романиста А. Ломбарда вышла в серии «Лингвистические руководства и лингвистические разыскания», которая издается «Центром романской филологии» при Страсбургском университете во Франции. А. Ломбард — представитель старшего поколения шведских лингвистов. Его перу принадлежат многочисленные капитальные работы, большая часть которых относится к румынскому и французскому языкам, в частности и в особенности к их грамматическому строю. Можно без преувеличения сказать, что в наши дни А. Ломбард является, по-видимому, самым крупным специалистом в области румынского языка за пределами самой Румынии. Начиная с 1940 г. под руководством А. Ломбарда в шведском университете города Лунда публикуется серия лингвистических разысканий в области романской филологии, авторами которой являются ученики и последователи ученого.

Рецензируемая книга во многих отношениях представляется мне новаторской: перед нами отличный учебник румынского языка и одновременно исследование его грамматического строя, подробное синхронное описание языка и одновременно его же историческая грамматика, самоучитель и одновременно теоретический курс, хрестоматия румынских текстов, составленных *ad hoc*, и одновременно их тщательный филологический анализ. И все это помещается в одном томе и не выходит за пределы четырехсот страниц. Получилась настольная книга для всякого лингвиста-романиста.

Нельзя не отметить еще одной общей характерной особенности всей книги. А. Ломбард нигде не обсуждает общих вопросов языкознания: теории соотношения синхронии и диахронии, теории общей и конкретной грамматики. Не обосновывает он и пропорции между грамматической частью и частью иллюстративной. Он нигде не говорит о том, насколько описание современного состояния языка допускает историческую интерпретацию его строя и насколько интерпретация помогает или «мешает» пониманию грамматического строя. Но странное дело. Хотя в книге нет обоснованной теории, но материал самой книги, его тщательно продуманная «подача», говорят о многом. Изучив монографию, читатель убеждается

на практике, что история языка и исторические экскурсы не только нисколько не препятствуют усвоить грамматическую систему современного языка, но, напротив, помогают точнее и глубже осмыслить подобную систему. Весь вопрос в том, как и для чего прибегает исследователь к подобным историческим толкованиям. В книге А. Ломбарда все это сделано рукой опытного мастера.

Сказанное, разумеется, не означает, что я хочу хоть в какой-то мере бросить тень на огромное методологическое значение обсуждения общих вопросов лингвистической теории. Это значение не подложит никакому сомнению, особенно в наше время. Но вместе с тем я хочу сказать, что наука нуждается не только в общетеоретических, но и в практических решениях. Надо обсуждать, например, не только как должна соотноситься синхрония и диахрония при описании синхронного состояния любого языка. Надо стремиться одновременно и к другому: при самом описании всякого конкретного языка — русского или румынского, английского или японского — каждый раз показывать, что практически дает диахрония синхронии, насколько она помогает или не помогает читателю уразуметь современное состояние анализируемого конкретного языка. А. Ломбарду удалось убедить своих читателей, что именно диахрония, умело «поданная», как бы прожектором освещает те синхронные «стыки» в системе языка, которые сами находятся в постоянном движении, осложняя каркас языка. Недаром многие лингвисты нашего времени все чаще и чаще теперь говорят об антисистемном движении в самой лингвистической системе¹. Как мне уже приходилось неоднократно писать, дилемма «либо системное описание, либо историческое описание языка» должна быть признана ложной дилеммой. Вместе с тем — и здесь нет никакого противоречия — синхрония сохраняет свою специфику в отличие от диахронии.

Приведу лишь один пример подобной «опоры» на историю при осмыслении синхронии. Уже на первых же страницах своей книги Ломбард, сообщая, что в румын-

¹ См., например: M. Wandruszka, *Interlinguistik. Umriss einer neuen Sprachwissenschaft*, München, 1971, стр. 53—73.

ском языке категория рода имен существительных представлена не только мужским и женским, но и так называемым обоюдным родом (в ед. числе — муж. род, во мн. числе — жен. род: *val* «волна», *valuri* «волны»), обращает внимание на латинский источник обоюдного рода (в латинском языке ср. род существительных типа *bracchium* «рука», *braccia* «руки») и на сходные явления в других романских языках (итал. *il braccio* «рука» муж. рода, *le braccia* «руки» жен. рода). Казалось бы, какое значение имеют эти факты для понимания системы грамматического рода имен существительных в современном румынском языке? Не существует ли система «сама по себе»? При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что проблема сложнее. Разумеется, анализируемая категория рода бытует и «сама по себе» в данном конкретном румынском языке. Но, во-первых, для ее осмысления существенно знать, что аналогичное «странное» явление (обоюдный род) бытует и в других современных языках, что его источник хорошо известен. Более редкие случаи обоюдного рода в итальянском языке сравнительно с румынским помогают понять частотность подобных образований в самом румынском языке. Как известно, родственные языки и соприкасаются, и различаются. Но всякое различие весьма важно для понимания особенностей одного языка в отличие от другого. Следовательно, исторические и сравнительно-исторические экскурсы не только объясняют рассматриваемое явление, не только снимают с него известный налет «странности», но и помогают понять его в системе данного языка в отличие от его же места в системе другого языка. Синхрония и диахрония не только различаются (это обычно чаще всего подчеркивают), но и взаимодействуют постоянно.

У А. Ломбарда истолкованию грамматического строя румынского языка способствуют постоянные сопоставления сходных явлений во французском, итальянском и испанском языках. Нужно всячески приветствовать подобный метод изучения близкородственных языков. В последние годы он стал успешно применяться и у нас в стране. Сравнение с другими языками, которое, казалось бы, при поверхностном рассмотрении фактов должно «уводить в сторону», в действительности, при более пристальном анализе, лишь способствует пониманию особенностей каждого языка. Само сравнение «работает» в пользу синхронии, хотя подобное описание ориентируется уже на более квалифицированного читателя, чем описание «замкнутое». Но это уже другой вопрос, не имеющий прямого отношения к разумению синхронной системы языка.

На протяжении всей своей книги А. Ломбард очерчивает норму румынского языка в ее движении и в ее вариантах.

Хотя само наличие вариантов нормы осложняет понятие нормы, но зато оно же приближает описание к действительному состоянию языка во всем его сложном многообразии. Так, например, предложение *Calul tău frumos* «твоя красивая лошадь» может быть передано в румынском языке десятью различными способами (стр. 156—157). Автор тщательно анализирует каждый из этих способов, показывая его отношение к литературной норме, его большую или меньшую типичность (характерность).

Необходимо подчеркнуть еще одну особенность рецензируемой книги. При анализе каждой грамматической категории и каждой части речи автор везде начинает подобный анализ с основного значения данной категории, данной части речи. Так, например, будущее время глагола передает прежде всего и больше всего именно будущее время, хотя в иных случаях будущее может служить средством выражения настоящего или даже прошедшего времени, может получить особый модальный оттенок, переместиться из сферы времени в собственном смысле в широкую сферу модальности и т. д. То же следует сказать о любой другой грамматической категории, о любой другой части речи. Качественное прилагательное способно приобретать в контексте разные функции, но прежде всего оно служит для передачи качественной характеристики предмета или явления.

На мой взгляд, подобный подход к грамматике наиболее плодотворен. Между тем в некоторых направлениях современной лингвистики сейчас защищается прямо противоположный тезис, ставший очень модным. Его сущность сводится к тому, будто бы ни одна часть речи, ни одна грамматическая категория не имеют и не могут иметь основных (главных) значений, основных (главных) функций. Каждая из них обладает лишь суммой значений, суммой функций, одинаково равноправных². При таком, на мой взгляд глубоко ошибочном, понимании грамматики становится неясным, как же грамматика организует язык и как грамматические категории взаимодействуют с категориями мышления. Грамматика становится «рыхлой», как бы «бесхребетной», она лишается своих больших возможностей, цементирующих человеческую речь.

Как и в других романских и, шире, индоевропейских языках, в румынском иногда встречаются и такие морфологические построения, точное значение которых реализуется в контексте, в речевом «потоке». Форма типа *sinosc* означает и

² См. об этом в моей книге: «Этюды по синтаксису румынского языка» (М., 1958, стр. 220—231) и в статье «Категория значения в разных направлениях современного языкознания» (ВЯ, 1974, 4, стр. 15—18).

«они (мужчины) знают», и «они (женщины) знают». Аналогичная картина в современном русском языке, но иная ситуация во французском: *ils connaissent — elles connaissent*. Разумеется, в подобных случаях надо говорить не о двусмысленности языка, как это теперь часто утверждают³, а о взаимодействии морфологических средств языка с потребностями коммуникации. А. Ломбард так и поступает, не прибегая и в этом случае к теоретическому обоснованию своей методики. Сами по себе морфологические категории развитых языков, имеющих богатую литературную традицию, двусмысленными никогда не бывают.

Отсутствие лексического раздела в книге я бы отнес к ее недостаткам. Это тем более жалко, что румынская, как и молдавская, лексика представляет большой интерес. О своеобразии румынской лексики писали филологи-романисты разных стран. И в такой итоговой работе, как руководство А. Ломбарда, подобный пропуск удивляет. К тому же само руководство называется «румынским языком», а

не «румынской грамматикой». Нельзя не сожалеть и об отсутствии общего заключения в книге, как и заключений, хотя бы кратких, к ее отдельным главам и разделам. Остается не совсем ясным, какую дифференциацию проводит автор между такими терминологическими словосочетаниями, как «разговорный стиль» и «непринужденный стиль» (*le style aisé*).

Оценивая большой труд А. Ломбарда в целом, нельзя еще раз не подчеркнуть его бесспорные научные достоинства: перед нами оригинальная, очень тщательно выполненная работа, принадлежащая перу тонкого знатока румынского языка. Подобной книги, которая совмещала бы в себе достоинства отличного учебника с достоинствами научного исследования, в мировой романистике до сих пор не было. Было бы весьма желательно, чтобы «Центр романской филологии» при Страсбургском университете продолжил публикацию подобных «итоговых руководств» и по другим романским языкам, в частности по такому языку мирового значения, как португальский, который остается до сих пор языком все еще очень мало изученным.

Р. А. Будагов

³ Ср.: J. G. Kooij, *Ambiguity in natural language*, Amsterdam — London, 1971.

E. Matteson (et al.). Comparative studies in Amerindian languages.—The Hague—Paris, 1972. 251 стр.
(«Janua Linguarum». Studia Memoriae Nicolai van Wijk Dedicata. Series practica, 127)

Можно с уверенностью сказать, что сравнительно-генетические исследования в области америндских языков ощутимо прогрессируют с каждым годом. Если в еще совсем недавнем прошлом здесь господствовали самые смелые и в то же время совершенно не подкрепленные фактическим материалом гипотезы, то настоящее время характеризуется в американистике широким фронтом конкретных работ по выявлению генетических связей между отдельными группировками этих языков. Среди наиболее развитых частных отраслей америндской компаративистики следует назвать алгонкинское и юто-ацтекское языкознание, немало было сделано по сравнительно-историческому изучению языковых семей галф, нечумара, далеко продвинулись интенсивные штудии по целному доказательству родства большого числа центрально-американских языков (отомангская гипотеза). Не менее впечатляющими оказались прецеденты обнаружения представителей североамериканских группировок в Центральной Америке и представителей центральноамериканских — в Южной Америке. В то же время свидетельством методической зрелости компаративистических

штудий в этой области языкознания являются известные теоретические публикации последних лет М. Р. Хаас, Р. Э. Лонгэйкра и других авторов¹.

Как отмечается во введении к первой части монографии, начальным стимулом для такого сравнительного исследования послужило обнаружение «структурных сходств как в фонологии, так и в грамматике между языками гуахиба Колумбии и языками такана в Боливии, а также между языками тукано Колумбии и языками гуарани в Боливии. Это открытие было обязано факту последовательной работы над целым рядом языков Перу, Боливии и Колумбии. В то же время М. Слокум и Ф. Гердел, изучая язык паэц, ... сообщили о сходствах между ним и ранее обследовавшимся ими языком целталь (маяя). Затем Ф. Джексоном, ранее изучавшим языки

¹ Ср.: M. R. Haas, *The Prehistory of languages*, The Hague — Paris, 1969; R. E. Longacre, *Comparative reconstruction of indigenous languages*, в кн.: «Current trends in linguistics», 4—*Ibero-American and Caribbean linguistics*, The Hague — Paris, 1968, стр. 320—360.